

В. В. Миронов¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ДЕФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, пронизывают все уровни культуры, коренным образом изменяя нашу цивилизацию, что иногда позволяет говорить о начале новой эпохи в истории человечества.

К такому выводу, в частности, пришли исследователи, которые занимают так называемую гиперглобалистскую позицию. Для нее характерна абсолютизация позитивного характера прежде всего экономической интеграции, что постепенно должно способствовать отказу государств от национальных приоритетов для эффективного функционирования мировой экономики. Соответственно это распространяется и на понимание культуры, а точнее, национальной культуры и ее права на существование как локализованной системы. «Поскольку национальная экономика все в большей степени становится лишь ответвлением межнациональных и глобальных потоков, противостоящих национальной социально-экономической деятельности, полномочия и легитимность национального государства ставятся под вопрос: национальные правительства все менее способны контролировать то, что происходит внутри их собственных границ, или самостоятельно удовлетворять требованиям своих граждан»². Именно эта установка лежит в основе оправдания вмешательства в суверенные дела других стран лидеров глобализма для установления нового мирового порядка.

В то же время именно в связи с агрессивным характером навязывания идей глобализма мировому сообществу возникает противоположная волна, основанная на критике возможностей создания наднациональной экономики и управления этой экономикой неким ми-

ровым правительством. Реальная практика показывает, что даже относительно ограниченные системы, включающие необходимость межнационального управления, выработки единой системы права для ряда государств, оказываются весьма неэффективными и приводят к новым противоречиям, часто лишь усиливая неравенство стран, включенных в такую систему, и порождая дезинтегративные процессы, чреватые реальными, в том числе военными, столкновениями, фактически не сближая, а отдаляя государства друг от друга.

Представляется, что обе позиции исследуют прежде всего экономико-политическую структуру государств, не учитывая их культурную составляющую, которая во многих случаях оказывается определяющей и способной блокировать навязываемую извне глобализацию, если она угрожает самобытности существования конкретной культуры. Процессы глобализации, как и дезинтеграции, являются составными частями развития культуры, которые необязательно противостоят друг другу, а, напротив, могут выступать своеобразным сдерживающим фактором, сохраняя относительно стабильное состояние мировой системы. Поэтому и в политической сфере не может быть оправдана позиция доминирования того или иного государства, той или иной локальной культуры на основании ее большей приверженности к процессам глобализации.

Таким образом, анализ тенденций развития современной культуры необходим как философская рефлексия над возникающими проблемами, учитывающая новые реалии, новые условия существования человечества, изменение значения тех факторов, которые всегда оказывали влияние на культуру, и тех, что возникли вновь.

Не имея возможности в данной статье анализировать всю палитру изменений, которые происходят в культуре, мы затронем лишь один аспект, связанный с характером взаимодействия культур, которое, как неоднократно отмечал Д. С. Лихачев, реализуется в процессе «культурного диалога». В рамках такого диалога неизбежно возникает проблема понимания другого как индивидуального «я» и как представителя другой общности, то есть другой культуры.

Не вдаваясь в анализ бесчисленных дефиниций культуры, отметим, что она представляет собой совокупность результатов деятельности людей, создающих систему традиционных для человечества ценностей как материального, так и духовного характера. Создаваемые культурные ценности — это всегда совокупность артефактов как материального, так и духовного свойства, которые приобретают особый ценностный смысл и значение в результате их функционирования в конкретной культурной общности. И вот здесь мы должны сделать существенную оговорку. Система культурных ценностей содержит так называемую «музейную» часть. В случае материальных ценностей они в прямом смысле могут находиться в музеях или при-

¹ Декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Единство разнообразия. Разнообразие единства», «Философия. Введение в метафизику и онтологию» (в соавт.), «Философия: учебник для вузов» (в соавт.), «Размышления о реформе российского образования», «Современные трансформации в культуре», «Человек как субъект и объект медиапсихологии» (в соавт.), «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры», «Университетские лекции по метафизике» (в соавт.); статей: «Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии», «Противоречивость реформ российского образования», «Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации», «Зачем нам философия сегодня?», «Об особенностях философской рефлексии и смысловом пространстве философии» и др. Председатель докторского Диссертационного совета по философским наукам в МГУ им. М. В. Ломоносова по специальностям «Онтология и теория познания», «Философия науки и техники». Вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия», член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, лауреат премии им. М. В. Ломоносова.

² Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура / Д. Хелд [и др.]. М.: Практикс, 2004. С. 5.

обретать соответствующий статус. Но часто не осознается тот факт, что к музейным ценностям относятся внешне более эфемерные образования, а именно духовные ценности. Это «совокупность “высших” человеческих ценностей, которые определяют и выражают конечные цели человеческого существования в истории (Добро, Истина, Красота, Справедливость и др.)...» Их нельзя потрогать руками, но они вполне реальны, хотя и созданы сознанием людей. В этом смысле понятия добра, истины, красоты и справедливости — это также артефакты, пусть и духовные, которые в определенном смысле сродни музейным экспонатам. Это культурные эталоны, определяющие специфику культуры, ибо реализуются в виде норм, принципов, традиций и даже стереотипов поведения, которые существенно влияют на реальную деятельность и существование индивида. Так что это лишь кажущаяся эфемерность.

Духовные ценности носят весьма устойчивый характер, в каком-то смысле даже более устойчивый, чем материальные экспонаты музеев, которые можно разрушить и уничтожить материальным же образом. Духовные ценности определяют особенности функционирования конкретной и всегда национальной культуры. Какой-то период изменения в этой сфере были столь медленны, что для индивида они казались экзистенциальной константой и фактором стабильности культуры. Человек был погружен в эту систему ценностей с момента рождения и до смерти, и ему казалось, что она вообще не изменяется.

Однако культура одновременно всегда была развивающейся системой во всех своих компонентах, что позволяло ей адаптироваться к новым условиям своего существования, придавая в том числе культурный смысл новым ценностям, претендующим на статус духовных. Эта своеобразная часть культуры реализуется в системе операциональных ценностей как «средств практической адаптации, характеризующих уже не культуру, а цивилизацию»¹. Таким образом, в культуре соединяются противоположные тенденции: стремление к фиксации ценностей и необходимость их цивилизационной адаптации к изменяющимся условиям бытия культуры.

Кроме перечисленных особенностей, культура выступает как система «устойчивых воспроизводимых субординационных и координационных связей между символическими программами поведения людей — объективированными в знаковых системах»². С этой позиции одним из важнейших признаков культуры является возможность хранить (накапливать) и распространять (ретранслировать) информацию. Это становится условием приращения ценностей культуры, увеличения массива и качества информации. Соответственно упоминаемый нами выше диалог культур реализуется прежде всего как диалог текстов культур, так как в самом широком понимании любая культура и есть Текст с большой буквы.

Таким образом, культура развивалась как локальные образования, в основе которых лежала система доминирующих ценностей, определяющих идентичность

¹ Момджен К. Х. Философия общества // Философия / В. Г. Кузнецов [и др.]. М., 2004. С. 377.

² Там же.

индивида. Культурный индивид, создающий систему культурных ценностей, в том числе и духовных, таким образом, не был пустой абстракцией, а являлся субъектом конкретно-исторического социума. Это определяло национальную сущность культуры. Все, что возникает в культуре, будь то наука, экономика или искусство, архитектура или формы общественного и политического устройства, в большей или меньшей степени окрашено в «национальные тона». Соответственно диалог между культурами представлял собой диалог локальных (национальных) культур и выступал как очень сложный процесс взаимопроникновения культур друг в друга, формируя общее смысловое пространство множества разнообразных культур. Здесь реализуется принцип единства разнообразного, а не тотального. Именно в этом смысле «культура не имеет границ и обогащается в развитии своих особенностей, обогащается от общения с другими культурами», — отмечал Д. С. Лихачев, в то же время подчеркивая, что «национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, к гибели ее индивидуальности»³.

Коммуникация между культурами вплоть до середины прошлого века осуществлялась как диалог внутри семиосферы (Ю. М. Лотман) или культуросферы (Д. С. Лихачев) как особого коммуникационного пространства, в котором по аналогии с биосферой роль «живого» элемента выполняет язык или, точнее, языки с их различающимися смыслами и разнообразием социокультурных форм функционирования⁴. Язык — это не просто средство передачи информации, так как включает такую компоненту, как память, или, как блестяще выразил это Ю. М. Лотман, «Язык — это код плюс его история»⁵. Память отражает сущность и особенности конкретной культуры, выступая средством сохранения и ретрансляции ее смыслов и значений, определяя их своеобразие и обеспечивая преемственность исторических стадий развития культуры. Память — это некий закодированный смысл (не только языком, но и историей данной культуры), который в большей степени доступен представителю собственной культуры.

Этим объясняется значение национального языка, который выступает смысловым стержнем культуры. Отказ от национального языка в пользу доминирующего в глобальном мире приведет к неизбежности конвертации смыслов собственной культуры. Это может способствовать разрушению национальной культуры, так как не все ее смыслы переводимы на другой язык. «Заполняющие семиотическое пространство языки различны по своей природе и относятся друг к другу в спектре от полной взаимной переводимости до столь же полной взаимной непередаваемости»⁶. Прагматически кажущееся удобным для общения сведение к одному языку может стать реализацией тенденции к глобальной тотальности с далеко идущими последствиями, вплоть до становления модели тоталь-

³ Лихачев Д. С. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М.: Рос. фонд культуры, 2006. С. 104.

⁴ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 194.

⁵ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис: Издат. группа «Прогресс», 1992. С. 13.

⁶ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 166.

ного единства, которое из сферы языка может переключаться в социум. Напротив, признавая плюрализм культур и их языков, подчеркивая различия, но и необходимость понимания, мы можем обеспечить смысловое взаимопроникновение культур, накапливая разнообразные «культурные слои»¹, то есть обогащать, а не упрощать культуру в целом.

Таким образом, важнейшим механизмом осуществления диалога между культурами выступает *дихотомия «своей–чужой»*², которая фиксирует описанное противоречие, возникающее при взаимодействии культур. «Свое» (внутрикультурное) рассматривается как более ценное, чем «чужое», отрицание моего, а значит, в определенной ситуации чужое или даже враждебное. В культуре вырабатывается некий «иммунитет» для восприятия некоторых смыслов иной культуры. Внешняя культура представляет для нас закодированную систему, которую мы должны всегда расшифровывать для понимания. Взаимная адаптация культур, таким образом, может осуществляться в условиях смыслового несовпадения, и область тождества является лишь предпосылкой для проникновения в область нетождественного. «Ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями... мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает его невозможным»³. Поэтому именно признание равноправности всех культур является условием развития человеческой культуры в целом, и, напротив, абсолютизация ценностей одной культуры связана с процессом подавления и ослабления культурного разнообразия.

В результате глобализации происходит трансформация процесса диалога культур как важнейшего механизма их сосуществования. Культуры погружаются в глобальное коммуникационное пространство, которое функционирует по принципам доминирующей в научно-техническом отношении страны, а человек превращается в субъекта глобального суперобщества, в котором «культурная нить», связывающая его с собственной культурой, деформируется.

Это наглядно проявляется в своеобразной метаморфозе понимания толерантности, которое эволюционирует в сторону своеобразной абсолютизации тотальной терпимости, в том числе в ущерб индивиду и обществу, хотя на самом деле данный термин более многозначен.

Например, в медицине толерантность может проявляться как лекарственная толерантность, то есть приспособление организма к воздействию медикаментов за счет повышения внутренней устойчивости микроорганизмов и организма в целом. Иначе говоря, повы-

шается устойчивость организма как базовой системы, а не происходит ее разрушение. В случае невозможности такого приспособления организм может погибнуть. На биологическом уровне в целом толерантность организма реализуется в оптимальной зоне пределов устойчивости, которая имеет верхние и нижние границы. Поэтому, с одной стороны, чем выше диапазон толерантности, тем выше шансы организма выжить, а с другой — всегда сохраняются ограничения к воздействию извне.

Понимая условность аналогий, тем не менее отметим, что в обществе как сложной системе также присутствует некий диапазон толерантности, который задает ее верхние и нижние пределы. И как в биологическом мире, где условия окружающей среды или физиологических процессов внутри организма могут привести к сужению зоны толерантности, так и в обществе, где функционируют индивидуальные личности и социальные группы, имеющие различные целеполагающие установки, «всеобщая толерантность» невозможна. Культура также имеет пределы толерантности, за которыми терпение индивида (совокупности индивидов или общества в целом) может закончиться. Поэтому толерантность в обществе не должна сводиться только к терпимости как некой постоянной составляющей общественной системы. Терпимость весьма некомфортное психологическое состояние и для того, кто терпит, и для того, кого терпят. Как отмечал Гёте, «толерантность (Toleranz в нем.) должна быть всего лишь временным убеждением: за ней должно следовать признание. Терпеть — значит оскорблять»⁴. Терпят до тех пор, пока полностью не отвергают или полностью не признают. Толерантность как социальный принцип должна завершаться признанием другого в качестве равноправного себе, собственной культуре. А это возможно лишь в результате диалога. Абсолютизированная толерантность есть, по сути, безразличие, которое укрепляет сознание вседозволенности.

Истинная толерантность может и должна базироваться на ценностях собственной культуры, понимая в то же время их сопряженность с ценностями других культур и их различное качественное место в культурном сознании индивида. «...всеобщая терпимость будет достигнута лишь тогда, когда мы дадим возможность каждому отдельно человеку или целому народу сохранить свои особенности, с тем, однако, чтобы они помнили, что отличительной чертой истинных достоинств является их причастность всечеловеческому»⁵.

Мультикультурализм, предлагаемый ныне как своеобразная новейшая матрица для существования современного общества с доминирующим в нем принципом толерантности, как это ни парадоксально на первый взгляд, выступает как реализация антидемократических и антилиберальных тенденций, отступающих от европейских традиций признания и понимания другой культуры и другого как такового. В его основе ле-

¹ Кассен Б. Вступительное слово // Европейский словарь философии. Лексикон непереводамостей / под рук. Б. Кассен. Киев : Дух і літера, 2015. Т. 1. С. 13.

² Существуют и другие дихотомии, которые мы здесь не рассматриваем. Например, оппозиция «верха и низа» культуры (см.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М. : Худож. лит., 1990. С. 12–13), оппозиция «прикровенность–откровенность» (см.: Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М. : Индрик, 1994).

³ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 15.

⁴ Goethe J. W. Maximen und Reflexionen // Goethes Werke in zwölf Bänden. Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1974. Bd. 7. S. 493.

⁵ Гёте И. В. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 10 : Об искусстве и литературе. С. 411.

жит упрощенная модель признания равенства культур скорее как правовое пожелание, чем понимание необходимости диалога между ними. Диалог культур представляет собой более сложный тип сосуществования, чем просто декларация правового равенства. Необходимо именно признание ценностей другой культуры, а это очень длительный и сложный процесс. Кроме того, всегда должна сохраняться система базовых для данного общества ценностей. Г. С. Кнабе, анализируя римскую культуру, отмечал, что «коренное свойство римской цивилизации — органически усваивать инокультурный опыт, но никогда не растворяться в нем...»¹.

Дихотомия «свой–чужой» блокировала абсолютизацию принципа толерантности, противопоставляя ему принцип равноправного диалога. Сегодня она объявляется устаревшей и заменяется на мультикультурализм, основанный на распространении принципа всеобщей толерантности. Мир предлагается рассматривать как

глобальную целостность с едиными правовыми, моральными принципами, независимо от национальных особенностей каждой из отдельных культур. Однако утрата понимания «чужого» базируется на внешнем признании ценностей либерализма и гуманизма. Отрицание «чужого», по сути, означает и отрицание «своего», в результате чего мы утрачиваем индивидуальное и коллективное культурное свойство как умение и готовность признавать другого, тогда как «подлинная либеральность — это признание»². Это приводит к «утрате исходной основы всякой либеральности и любого гуманизма — автономной личности и стоящего за ней универсального, философского и бытийного принципа — принципа индивидуальности»³. Фактически мы из процесса диалога культур и признания другого выбираем и абсолютизируем понятие другого, понимаемого прежде всего как чуждого нам, которого мы не всегда способны понять, но тем не менее обязаны признавать.

¹ Кнабе Г. С. Местоимения постмодерна и обязанность понимать // Избранные труды. Теория и история культуры. М. : РОССПЭН, 2006. С. 921.

² Goethe J. W. Op. cit. S. 493.

³ Кнабе Г. С. Местоимения постмодерна и обязанность понимать. С. 922.